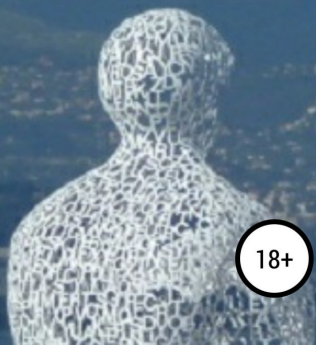

ЮРИЙ ГОРЮНОВ

Z E R O

ПСЕВДОНИМ

18+

Юрий Горюнов

ZERO – псевдоним

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39415523

SelfPub; 2018

Аннотация

Он никогда не думал о работе разведчика-нелегала, но судьба повернула его жизнь так, что он сделал свой выбор и начал новую жизнь под псевдонимом ZERO. Его задача – выполнение задания любой ценой, что может стоить жизни. Вся атрибутика – пистолеты, борьба не его оружие, но владеет всем. Книга 1 из серии ZERO.

«Один, совсем один, но не одинок» – думал я про себя, расположившись на набережной курортного горда Антиб, на Лазурном берегу Франции.

Я сидел рядом со статуей, такой же одинокой, как и я.

Статуя четко выделялась на фоне морской глади и неба, цвета ультрамарин. Кажущийся светлый пиджак и светлая голова, как бы седая, создавали контраст на безмятежном, словно нарисованном пейзаже окружающего мира. На другом берегу залива виднелись строения городка, который расположился вдоль бухты. Статуя была неподвижна, и издали её можно было принять за одинокого человека, наблюдающего за миром, а линия горизонта, на которую был устремлён мой взор, лишь подчеркивала многообразие мира: вода, земля, небо. Моя неподвижность могла быть вызвана только двумя причинами, либо тихим наслаждением от наблюдения за миром, боясь пошевелиться, чтобы не исчезли краски, либо глубоким погружением в свои мысли. У меня было первое. Что у статуи не знаю.

На это место я приходил каждый вечер и садился рядом с ней, составляя неподвижной фигуре компанию, или она мне. Это была удивительная скульптура человека, сидяще-

го на земле, склонившего голову к коленям. Её особенность была в том, что она была словно паутина соткана из букв латинского алфавита. Переплетение, словно шифровало информацию, которую не дано узнать. Вот так и я, был напичкан событиями, фактами, информацией, которую знал лишь я один. В этом мы были схожи – наша паутина была прозрачна; вроде бы мы и понятны, а что в себе храним, скрываем от посторонних взглядов, знаем лишь мы. Вот так и я, вроде бы есть. Но я ли это?

Это было мое первое посещение этого городка. Я жил здесь уже неделю, официально находясь на отдыхе, но в действительности отдых был условным, здесь у меня была назначена встреча.

Риск быть замеченным кем-либо, всегда есть, но это курортный город, и я имел право на «отдых». В течение недели я гулял по городку, заходил в сувенирные магазинчики, сидел в кафе, общался с людьми, как местными, так и приезжими. Мне нужно было это общение. С удовольствием заводил знакомства, не возражал против компании, если кто подсаживался за мой столик, так как бывает необходимо поговорить с незнакомым человеком просто так, чтобы скоротать время, да и сам напрашивался. Возражений не встречал, но все это было не просто так, ради развлечения, я создавал видимость праздности на тот случай, что доведись за мной следить, а такие, если бы узнали кто я, наверняка появились, то пришлось бы им проверять весь круг моего общения.

Уже пора. Я не стал смотреть на часы, чтобы не показать даже вида, что мне надо куда-то идти ко времени. Куда спешить отдыхающему? Спокойно поднялся и пошел вдоль берега. Шел, не торопясь и вышел к бульвару, что тянулся вдоль берега. Пройдя метров триста, зашел в кафе и устроился на веранде, чтобы видеть окружающих, но, чтобы и меня видели.

Тут же подошла официантка и, улыбнувшись, спросила: – Месье, что будете заказывать?

– Красный martini и кофе.

Она кивнула и ушла выполнять заказ. Да, я был месье, и был гражданином этой страны. Вскоре она принесла заказ и удалилась. Я отпил martini и посмотрел на море.

– Разрешите присесть за ваш столик, скучно сидеть в одиночестве.

Я повернулся и увидел, что рядом со столиком стоит мужчина, крепкого телосложения, среднего роста, немного загорелый, видимо не давно приехал, и солнце еще не успело придать его лицу южный загар. Глаза его, серого цвета, излучали доброту и внимание. Если бы я ответил ему отказом, то он извинился бы и ушел, но мне было все равно, да и поговорить можно.

– Да, конечно, присаживайтесь.

Мужчина поставил на стол бокал, в котором было красное сухое вино:

– Наслаждаетесь?

– Красиво, тихо, уютно.

– Коротко и ёмко, – поддержал он меня.

Я снова отвернулся и стал смотреть в сторону моря. На другой стороне бульвара, мужчина моего возраста, катил коляску, в которой сидел ребенок. Наблюдая за этой идиллией, никуда не спешащего человека, я не сразу услышал, что ко мне обращаются.

– Вы слышите меня? Вы так глубоко задумались, – закончил он фразу, когда я повернулся на голос. Это обращался мой сосед по столику. Он вернул меня к действительности.

– Да так, задумался о личном.

– Глубоко?

– Глубоко, – и я, отбросив этикет, со спокойным выражением лица, продолжил беседу, двух якобы случайно встретившихся мужчин. Мне ли было не знать моего собеседника. Я его знал более двадцати лет, но последний раз видел четыре года назад. Это был мой однокурсник по училищу, в те годы, когда мы были совсем юными и кроме романтики не видели ничего. Это был мой знакомый, Алексей. Вновь отвернувшись от него к морю, я обратил его внимание:

– Посмотри, вон там, на другой стороне бульвара, мужчина с коляской. Кто там у него? Сын? Внук? Не важно, кто, – ответил я сам себе, – важно, что у него есть продолжение рода, а у меня, кроме меня самого, никого нет. Ни, своих детей, ни чужих. Родственники и те неизвестно где, да я для них уже давно не существую.

– Жалеешь, что выбрал этот путь?

– Нет, не жалею. Чтобы жалеть, надо знать, что потерял, упустил, а я не знаю. В те времена, когда у меня был выбор, я не знал, что выбирать. Если бы выбрал другой путь, то возможно была бы семья, а возможно, и нет. Откуда нам знать, что ждет в пути, который мы выбрали однажды. Это жизнь при рождении мы не выбираем, а потом всегда стоим перед выбором. Нет, не жалею, – произнес я без тени сожаления, – не знаю, что получил бы, а сравнивать мне не с чем, это и грустно.

– Сам говоришь, что выбор существует всегда.

– С моего пути мне уже не свернуть, нет смысла, а подставлять близких, которых к их счастью нет, не имею права. Сам знаешь, что для моей профессии личная привязанность не просто беда – катастрофа. Я не хочу ставить на край пропасти чужие жизни, кроме своей.

– Ты еще в строю.

– Пока да, – усмехнулся я, – но кто знает, где фланг этого строя, и может быть, я в нем уже последний.

– Часто об этом думаешь?

– Вообще не думаю. Так, к слову пришлось. А как ты?

– Всё в порядке. Дочь ещё не замужем, но думаю, внуков дождусь.

– У тебя есть шансы.

– Не нравится мне твоё настроение. Что-то случилось?

– Можешь не верить, ничего. Просто посмотрел, увидел

того мужчину и позавидовал.

– Себя стало жалко?

– Нет. Я уже давно разучился себя жалеть. Да ты и сам знаешь. Иначе нельзя. Нервы не выдержат.

Алексей понимающе кинул головой. В самом начале нашего знакомства, мы общались часто, потом наши дороги разошлись, пока не пересеклись вновь. Алексей был сегодня моим связным. Лишь несколько человек в конторе знали меня в лицо, и он был в их числе. Даже люди, принадлежащие к высшим эшелонам разведки, не могли обо мне знать всего. Моё личное дело, давно пылилось в архиве и никого не интересовало. Я умер много лет назад. Но было другое, личное дело, под моим псевдонимом, и только там были ссылки, зашифрованные, кто скрывается под данным псевдонимом. Там не было даже моей фотографии. Я был нелегалом, при том очень скрытым, конспирация вокруг была строжайшей. На заре моей деятельности обо мне никто и не знал, зато теперь найдутся те, кто захочет пообщаться. Если кто и имел доступ к информации, то для них я был никто.

Я очень редко выходил на личную связь, это была моя страховка безопасности, поэтому что все, что было в подобной работе чаще всего, происходило не от того, что кто-то сдал, а по неосмотрительности. Я не числился в штате, хоть и обучался, но тот, кто меня знал тогда, вряд ли смог бы узнать сейчас, а кого-то уже просто нет.

Алексей работал в аппарате и был вхож в тот узкий круг

посвящённых в мою биографию. Наверное, никто не знал обо мне всего, даже он, кроме меня самого, остальные лишь то, что положено знать. Меня вряд ли можно было узнать в том юноше, каким я был. Кто я? У меня было много профессий, много имен, но сам я себя знал, и пытался оставаться самим собой. Особенно сейчас, когда я получил отдых.

– Ты хоть отдохнул? – спросил Алексей.

– Немного привел себя в порядок. Хотя, что такое порядок в жизни? Я уже давно живу чужой жизнью, и порядок устанавливаю не сам.

– Ты живешь своей жизнью.

– Пусть так, не передёргивай.

– Тебе скоро возвращаться.

– Вопрос куда? – съехидничал я.

– Домой, у тебя же есть дом?

– Есть и не один.

– Хорошо быть богатым, – вздохнул Алексей.

– Хорошо быть свободным.

– Где ты видел свободу?

– Во сне.

– Как выглядит, не запомнил?

– Призрачное и легкое что-то.

– Наверное, призрак, мираж.

– Возможно.

– Тоскуешь? Хочешь вернуться?

– Не провоцируй. Скажу проще. Я не знаю. У меня нигде,

никого нет, и возвращаться в никуда только и могу.

– Никого?

– Не говори глупостей. Никого не может быть, иначе это подозрительно. Временно кто-то есть.

– Это верно, – и сделав паузу, он продолжил, – не знаю, увидимся ли до отъезда, но, когда приедешь, получишь письмо от компании «Мастер Капитал». Там все поймешь. Мне пора.

Со стороны наш разговор был обычной, случайной беседой. Алексей встал:

– Спасибо за разговор. Всего вам доброго, – и выйдя с веранды, направился вдоль бульвара.

Я ещё посидел с полчаса после его ухода. Заказал ещё чашечку кофе, и лишь потом, рассчитавшись, вышел из кафе. Постоял у выхода, словно решая куда пойти и, свернув направо, пошел к гостинице, где остановился. Солнце уже коснулось кромки моря и его прощальные лучи уходящего дня, отдавали последний свой свет этому тихому месту, где хочется просто жить для себя.

На улице стало многолюдней. Отдыхающие вышли насладиться вечерним морским бризом, и я разглядывал прохожих, моментально фиксируя их лица в памяти. Издержки профессии. Порой отмечал на себе взгляды женщин. Я не был ни красавцем, ни уродом, что позволяло не выделяться из толпы, но все-таки взгляды замечал. А что? Типичный одинокий мужчина на отдыхе, который идет не спеша. Кто

его знает, отдыхает он сам по себе или готов к флирту?

Так, не спеша я подошел к гостинице. Мой номер на втором этаже с видом на море, был не большим, по стандартным меркам, но уютный: две комнаты, душ. Что еще надо отдыхающему? Даже две комнаты были уже роскошью, но меньше нельзя, я не был бедным.

У меня впереди были еще два дня отдыха. Сегодня уже никуда идти уже не хотелось и я, приняв душ, лег, и закрыл глаза. Мысли вернулись к разговору с Алексеем. В действительности я не знаю другой жизни. Была у меня когда-то семья, были родители, но все это в далёком прошлом. Мне сорок три года и почти двадцать из них я провел за границей. Это моя жизнь, моя работа. Я был нелегал. Я был один из немногих на этом празднике жизни, отлученным ещё в юности от родных мест. Наверное, выбор был и у меня тогда, но решили все за меня, а я не сопротивлялся. И вот я, Зотов Егор Николаевич, полковник спецслужбы, живу чужой жизнью. У меня даже были награды, которых я никогда не видел. А почему чужой? Нет, я живу своей жизнью, но под другим именем. Постоянным у меня был только псевдоним – ZERO. И вот под этим псевдонимом вся моя жизнь прошла перед глазами, полная опасностей, словно в диком мире.

2

– Егорка, – позвала меня мама, – иди ужинать.

Мне было уже семнадцать, а она всё звала меня, как малое дитя. Сначала я обижался, а потом привык, повзрослел и понял, что ей так нравится, а мне не в тягость. Зато отец называл – Егор, это придавало значимость, имя звучало.

Мне повезло с родителями, они не особо вмешивались в мою жизнь, они её направляли, но очень тонко: учили быть самостоятельным, выдержанным, учили умению рассуждать, думать. Конечно, иногда мне казалось, что они давят на меня, но лишь потом я понял, все было не так. Отец был начальником отдела на одном из заводов города, мать преподаватель английского языка в институте, и как следствие, с ним у меня проблем не было. Жили мы по тем временам в достатке, а со временем купили машину. В общем, у нас была вполне благополучная семья.

Я вышел из комнаты, где отец уже сидел с газетой в ожидании общего сбора за столом. Сложив газету, спросил:

- Всё в порядке? Есть проблемы?
- Всё хорошо, скоро пойду на тренировку.
- Тогда много не ешь, лучше потом, – посоветовал отец.
- И что на пустой желудок, он там будет делать? – заметила мать.
- Злее будет.
- Злость, не нужна ни при каких обстоятельствах, – нравоучительно сказала мама.
- А можно я сам разберусь?
- Можно, но с головой, – согласился отец.

Я занимался самбо. Не для того, чтобы показать свою силу на улице, а, чтобы физически быть в форме, это дисциплинировало. Иногда участвовал в соревнованиях, но чаще так, для себя, за призами не гнался, да и на уроках физкультуры было легче. Учёба мне вообще давалась легко, когда я не ленился. Я легко запоминал, что говорили на уроках, и поэтому времени на домашние задания уходило не так много.

Пока мы сидели за столом, мама давала наставления:

– Завтра суббота, мы с отцом поедem к знакомым, вернёмся поздно. Егорка, я тебя прошу, у тебя через два месяца выпускные экзамены, не болтайся по улице до нашего приезда. Позанимайся.

– А не до вашего можно?

– Поговори у меня, – попыталась мать придать строгость голосу. – Не расслабляйся. Не успеешь оглянуться, как надо будет в институт поступать. Ты определился?

– Угу, – кивнул я с набитым ртом, – пойду в технический, а может еще и передумаю. Мам, не приставай, времени ещё много, что сейчас голову забивать, сама сказала выпускные скоро.

После ужина, примерно через час, я пошел на тренировку и вернулся после девяти. Родители уже собрали сумку, которая стояла в прихожей, чтобы завтра не забыть.

Утром меня разбудили и позавтракали мы вместе; поцеловав меня, мама напомнила: – Вечером приедem, будь дома.

– Ладно, – ответил я, забросив свою сумку с тетрадками

на плечо.

День был обычный, не самый плохой, какой бывает в апреле, когда припекает солнце. Снег уже сошел, листья на деревьях еще не распустились, но все жило в ожидании теплых дней. После школы с пацанами побродили по улицам, рассматривая прохожих, пытаясь познакомиться с девчонками. Нам было весело и настроение от того, что завтра выходной, было еще выше на несколько градусов, чем обычно. Завтра можно поспать, да и вообще, скоро школу заканчиваем, а там другая жизнь.

Домой я пришел часов в пять, разогреть ничего не стал, а так соорудил бутерброды, включил телевизор и уселся в кресло. Торопиться было не куда, уроки все можно сделать завтра, а пока надо пользоваться относительной свободой. Ушел к себе в комнату, включил магнитофон, и сидел, слушая музыку, не заметив, как прошло время. Когда стемнело, я взглянул на часы.

– Ого, родители загуляли, – сказал я сам себе, так как часы показывали половину одиннадцатого.

В это время раздался звонок в дверь.

– Пришли, – и пошел открывать дверь, но на пороге стоял милиционер.

– Зотов Егор Николаевич? – спросил он, и голос его был не таким строгим, каким обычно обращаются официальные лица, а каким-то тихим и участливым.

– Да, это я.

Он показал удостоверение и попросил: – Можно я войду?

В его внешнем виде было нечто такое, что не позволило мне отказать, хотя пускать в квартиру постороннего человека, пусть и милиционера, было не в моих правилах. Я посторонился:

– Проходите.

Он прошёл на кухню, снял фуражку, пригладил рукой волосы, сел на стул, и предложил:

– Садись, что стоишь.

Я сел на стул напротив него.

– Ты уже взрослый парень, поэтому буду говорить по существу. Сегодня вечером, когда твои родители ехали домой, на дороге в них врезался грузовик. В лоб. Тормоза отказали у грузовика. Удар был сильным. В общем, твои родители погибли.

Я не сразу понял, что он говорит. Я ничего не понимал. Слова доходили до меня, я его слышал, но не воспринимал. До меня не доходил смысл. Как это погибли? Я их видел утром, веселых, улыбающихся.

– Егор, Егор, – вдруг услышал я его, – есть кто у тебя из родственников? Есть, кому сообщить?

Я встал и, ни слова не говоря, вышел в комнату, где взял записную книжку с номерами телефонов и, вернувшись, протянул ему. Родственников я знал плохо, близких не было, а с дальними я не общался. Он взял книжку, полистал, потом поднялся и сказал: – Я позвоню.

Я остался сидеть на кухне. Я был пустой, во мне не было ни одной здоровой мысли, какие-то были в голове, но это был хаос. Я прошел за ним в комнату.

– Вы можете прийти, – разговаривал он с кем-то, – хорошо, я вас дождусь, – и, повернувшись ко мне, сообщил: – Сейчас придет твоя тётя Таня. Она побудет с тобой. Ты её знаешь?

– Знаю. А вы у меня спросили? – с вызовом ответил я.

– Нет, не спросил, но в такой ситуации человек не должен оставаться один, ещё будет у тебя для этого время. Жизнь ещё впереди.

Знал бы он, насколько пророческими будут его слова. В последующем мне часто приходилось оставаться одному и добровольно, и по принуждению.

– Ты извини, если я не прав, но просто поверь, так лучше.

Как ни странно, но на меня наибольшее влияние оказало его извинение. Я кивнул головой и ушёл в свою комнату. Разговаривать мне ни с кем не хотелось. Я, молча, сидел на стуле и смотрел в ночное небо. Оно было усеяно сотнями светлых точек, которые, если присмотреться, мигали. Небо было тёмным, как моё состояние, вот только светлых точек у меня на душе не было. Я ни о чём не думал, не думал, что будет дальше, что теперь делать, я просто тупо смотрел на небо. На глаза набежала слеза, которую я смахнул, но на её место тут же пришла другая. Я закрыл глаза рукой и сжал веки, не давая выхода слезам.

Вскоре пришла тётя Таня, она о чём-то поговорила с милиционером, и он ушёл, а она вошла в мою комнату:

– Я не буду тебе надоедать разговорами, если что надо, я в комнате, – и тихо вышла. Я был ей благодарен за это; мне очень не хотелось кого-либо видеть или слышать, и она это поняла.

Из своей комнаты я слышал, что она разговаривает по телефону, видимо сообщает о трагедии. Мне было всё равно, что там происходит. Не знаю, сколько прошло времени, на часы я не смотрел, но до меня стало доходить, что я обязан, обязан выдержать и проводить родителей. Выйдя из комнаты, увидел тётю, сидевшую в ожидании меня, на диване. Она сидела и ждала.

– Чай будешь?

Я отрицательно покачал головой.

– Егор, я позвонила всем, кого нашла в записной книжке. Мы всё сделаем. Как ты относишься, если я несколько дней поживу у тебя?

– Хорошо, – вымолвил я. Она была одна из немногих, кого я знал и хорошо к ней относился.

Последующие несколько дней я провёл словно в тумане. Приходили люди, что-то спрашивали, что-то я им отвечал. Все зеркала были завешаны. Родителей привезли только на третий день. Комнату освободили от лишней мебели. Дома они пролежали часа два, а потом их повезли на кладбище. Я держался. Слез у меня не было, я плакал внутри, не потому,

что так хотел, а так получалось. Народу было много, некоторых я знал в лицо, тех, что приходили в гости, а были они родственниками или друзьями, я не знал.

После похорон были поминки в кафе. Тётя Таня всегда была рядом, но ненадоедливо возле меня, а в пределах видимости.

Домой мы ехали на черной «Волге». Откуда она взялась меня не интересовало. Водитель был крепкий молодой парень; рядом с ним сидел мужчина, лет пятидесяти, коротко стриженный, плечистый. «Наверное, с папиной работы», – мелькнула мысль. Я несколько удивился, насколько мог в том состоянии, что находился, когда мужчина по прибытии к дому, велел водителю:

– В гостиницу съездишь и привезешь мои вещи. Дальше посмотрим.

Тот, ни слова не говоря, дождался, когда мы вышли из машины и отъехал. Втроем мы поднялись в квартиру. «Кто он такой? Почему идет с нами?» – думал я, но посчитал, что всё прояснится. Дома тётя Таня представила его мне:

– Егор, это твой двоюродный дядя, со стороны отца. Ты не видел его, поэтому он тебе не знаком и ему есть о чём с тобой поговорить. Он поживёт у тебя, а я побуду у себя дома.

– Хорошо, – мне было всё равно, кто будет. Я понимал, что одного меня пока не оставят, поэтому кто будет в доме кроме меня, мне было всё равно, лишь бы не надоедали. Я взглянул на него. Взгляд его был спокойный, уверенный, не

расположенный к участливым беседам. Когда тётя ушла, он прошёл и сел на диван:

– Давай знакомится. Меня зовут Иван Семенович, можно просто дядя Ваня. Тебе за последнее время много говорили, сочувствовали. Я тоже приношу свои соболезнования. Ты меня не можешь помнить, я тебя видел совсем маленьким, так как долго жил вне пределов страны, а когда вернулся, дела одолели. Мы поддерживали с твоим отцом хорошие отношения, так у нас сложилось, хотя близкими никогда не были. Но я счел обязанным приехать проводить их, а также поговорить с тобой о твоём будущем. Я поживу у тебя недельку, у нас будет время поговорить... Не сегодня. Поверь, я много что видел и простые человеческие отношения, соучастие в жизни других, для меня не пустой звук, но об этом потом.

Примерно через час водитель привез его вещи. Остаток дня он не надоедал мне; он читал книгу, потом приготовил ужин и позвал меня. Есть не хотелось, но надо было занять себя. Я сидел и ковырял вилкой в тарелке.

– Съешь, сколько можешь, но в будущем надо помнить, что есть надо всегда, неизвестно, когда придется в следующий раз. Завтра, если хочешь, в школу не ходи, я договорился, а потом надо возвращаться к учёбе. Как бы ни высокопарно звучало, но жизнь продолжается, и если есть жизнь на небесах, то ты должен пытаться сделать всё, чтобы родители гордились тобой глядя на тебя сверху, они в тебя верили, я

это знаю.

Я сидел, молча, не реагируя на его слова. Он больше никаких наставлений не давал и вообще был не навязчивым, и даже симпатичен тем, что не сюсюкал, а разговаривал спокойно, взвешенно.

На другой день, после завтрака, он предложил мне прогуляться по городу. Я согласился, так как сидеть в квартире было тошно. Машина, но с другим водителем, ждала у подъезда. Я ничего не спрашивал, сам расскажет, он же хочет поговорить со мной.

День был теплый, и мы гуляли по парку, обедали в кафе. Я видел веселые лица людей, которые радовались весне, радовались своему настроению, но не я. Когда шли по алле, он, не поворачиваясь, сказал:

– Егор, я думаю, время рассказать тебе чуть больше о себе. Ты наверняка обратил внимание, что за мной приезжает машина, но не спрашивал, почему и кто я. Твоя выдержка достойна похвалы, но к делу. Я генерал комитета госбезопасности.

Я взглянул на него. Роста мы были почти одинакового, и он встретил мой взгляд.

– Этим объясняется отношение ко мне. Как бы тяжело тебе ни было, но ты, оканчиваешь школу, и тебе надо думать о будущем, что делать после окончания. Ты что-то для себя решил?

– Собираюсь или собирался в политехнический, а теперь

не знаю.

– У меня к тебе другое предложение. Я навел справки о тебе. Ты умный, сообразительный, у тебя не плохо с английским, занимаешься спортом, и вообще тебе легко дается учёба. Так вот. Может, оставим инженерное дело другим? Я предлагаю тебе поступать в военное училище, там и на всем готовом, а не то, что в институте быть студентом и думать о хлебе насущном. После окончания училища помогу.

– И в какое училище? Танкистом, летчиком? Кем? Мне не хочется ездить по частям по стране. Честно.

– Что честно это хорошо, но училища бывают разные, я предлагаю тебе училище, где готовят специалистов иного профиля. Там тоже есть специализация, но всё же, иная. Это училище готовит сотрудников для службы в госбезопасности. Ты его не найдешь ни в одном справочнике. Туда берут только по рекомендации, а она у тебя в моём лице есть. Чему там учат? Тому, что нужно в жизни: технике, психологии, языкам и не одному. Сам понимаешь специфика. Закончишь, возьму к себе. Нам такие умные парни нужны.

– А если не соглашусь? Не нравится мне ходить в форме.

– Не согласишься, настаивать не буду, но предлагаю подумать. Способности думать у тебя есть. Взвесь «за» и «против». А форма? Я не хожу в форме, думаю, и тебе не придется её надевать, разве на специальные мероприятия. Подумаешь?

– Подумаю.

Больше мы к этому разговору не возвращались. Он пробыл у меня еще несколько дней. Я начал ходить в школу, где сразу заметил изменившееся отношение к себе: мне сочувствовали, но старались не напоминать. Я так же ходил с парнями после школы, но весёлости мне эти прогулки не придавали, а мне нужно было занять себя, вот я и ходил с ними.

Тётя Таня переехала ко мне. Так время и шло. Что-то готовила она, что-то научился я. Занимался делами по дому: убирался, стирал, делал то, что раньше и не думал. Всё это время я размышлял о предложении дяди Вани. Если я поступлю в институт, то, конечно, студенческая жизнь была более свободной, и не факт, что я не расслаблюсь. А то, что предложил он, было заманчиво. Да, там дисциплина, но это была работа, скрытая от глаз, что придавало ей долю авантюризма. Мне было семнадцать, а значит, я был мечтатель и хотел приключений. Знал бы я, сколько их у меня будет, на несколько жизней хватит.

Когда дядя Ваня уезжал, он дал мне листок:

– Здесь телефоны, рабочий и домашний. Если меня не будет, скажи, что ты, Егор, и я тебе перезвоню. Лучше, если запомнишь. И никому не говори ни обо мне, ни о том, что я тебе предложил, если согласишься.

Я обещал. Незадолго до выпускных экзаменов, я принял решение и позвонил ему. Он снял трубку сам.

– Дядя Ваня, это я, Егор. Здравствуйте. Я согласен.

– Правильное решение. Тогда так. Через два дня подойди

в военкомат, к военкому. Он будет в курсе. Дальше всё по порядку.

Так и получилось. Когда я пришёл к военкому, то он уже знал обо мне. Мне дали какие-то бумаги, и я заполнял их полдня. Затем он сообщил, что после экзаменов в школе, меня вызовут.

На один день приезжал дядя Ваня, которого я был рад видеть. Он помог решить вопрос с квартирой. Не факт, что я вернусь в нее, и прописали тётю Таню. После выпускного меня вызвали в военкомат и вручили направление в училище. Оно было далеко от моего города, что было не плохо.

Перед отъездом, я собрал близкие мне вещи, как память о родителях, и, попрощавшись с тётей Таней, сказал:

– Не надо хранить здесь вещи прошлого. Мне они не понадобятся. Сохраните альбом с фотографиями, я потом заберу. Вы же понимаете, что сюда я вряд ли вернусь.

Мои слова были пророческими – я лишь пару раз приезжал в родной город. На глазах тёти Тани были слезы:

– Храни тебя Бог! Удачи, мой мальчик.

Я спустился по лестнице, постоял во дворе, запоминая его, окинул взглядом дом, где провёл столько лет.

– Ну, вот и всё. Прощай моё детство. Прощай мой двор, дом. Прощайте пацаны, сверстники моих забав. Увижу ли вас когда-либо.

Сердце защемило от безысходности. Никто не знал, куда я уезжаю. Для всех я исчезал из поля зрения; у них теперь

жизнь отличается от моей. Я тряхнул головой, отгоняя грустные мысли, и подхватив сумку с вещами, пошёл от дома.

Вскоре поезд уносил меня в моё неизвестное будущее.

3

– Подъём, – резанул уши голос дежурного. Мы вскочили со своих кроватей и начали лихорадочно одеваться.

– Ну, вот опять, очередной марш бросок, – посетовал мой сосед Лешка, – поспать не дают. Одно успокаивает, что скоро каникулы.

Позади было уже почти три года учёбы в училище. Сначала было трудно, как и всем, а потом привык. Дисциплина давала о себе знать. Занятия спортомгодились, и физические нагрузки я переносил не то, чтобы легко, но сносно. Свободного времени во время учёбы почти не было, да оно мне и не нужно было, писем писать некому, и свободное время я проводил в спортзале или библиотеке. Иначе скучно. К окончанию третьего курса я свободно работал на рации, мог управлять разными видами техники, знал шифровальное дело, взрывное дело. Иногда складывалось впечатление, что нас готовили в диверсанты, но это было не совсем так. Учили многому: мы занимались танцами, изучали историю разных стран, их культуру, обычаи. Учили разбираться в живописи, музыке, литературе. Что-то изучали поверхностно, что-то более глубоко. В общем, нам было не стыдно пока-

заться в приличном обществе. Думаю, что не ударил бы в грязь лицом, если бы оказался на приеме у английской королевы, тем более большое внимание уделяли иностранным языкам.

Английский мне давался легко, наследство от матери. Но это было только начало. Нас учили так, что порой было невозможно понять, что вообще говорят и на каком языке, но все рано или поздно заканчивается. Однажды в голове раздаётся щелчок, и ты начинаешь улавливать, а потом и понимать смысл услышанного. К английскому это не относилось. Это относилось к французскому и арабскому. Много внимания уделялось произношению. Брели в рот воду и как бы полоскали горло, чтобы произнести французское «р». Трудность была в том, что устраивали перекрёстный разговор на разных языках два преподавателя, а я должен был не просто понять, а ещё и перевести с одного на другой. Но все проходит, и я уже умел переводить, минуя в голове перевод через свой родной язык. Сейчас было проще, а в начале, еле добивались до постели.

А сейчас ранний сбор, хоть и не был в радость, но и не тяготил. Думать не надо, хотя бы временно.

Утро встретило свежестью, прохладой, когда днём уже тепло, а ночью ещё лето не наступило – конец мая. Мы стояли на плацу. Группа у нас была не большая – пятнадцать человек.

– Товарищи курсанты, вы сейчас получите задания. Срок

выполнения сутки. Кому что достанется. Кто-то будет в лесу, кто-то в поле, кто-то в городе работать. Задание на приспособляемость к местным условиям, установлению контакта с жителями. Задание получите в кабинете заместителя начальника училища. У вас будет время переодеться и пораньше отправиться в путь. А сейчас разойдись для получения заданий.

– Стоило в такую рань поднимать, – проворчал Лешка, – могли позже.

– Не ворчи. Им самим, небось, спать хочется, – возразил я.

– Егор, а ты, куда на каникулы поедешь?

– Не знаю, – пожал я плечами. Куда мне было ехать? После первого курса я ездил в свой родной город. Ностальгия была, но он стал для меня чужим. Тётя Таня встретила приветливо. В квартире она сделала ремонт, и правильно, подумал я тогда. Пробыл у нее с неделю, сходил к родителям на могилу, встретился с одноклассниками. На вопросы где я учусь, отвечал, что в ракетном училище. Меньше искать будут. Кто знает, где я? Страна большая. Вспомнил наши увольнения. Мы выходили в город в гражданке, иногда знакомились с девчонками, но серьёзных отношений я старался избегать, слишком мое будущее было неопределенно, а связывать себя не хотел.

– Так куда? – вывел меня из задумчивости голос Лешки.

– Сказал же, не знаю.

– Поехали со мной, ко мне домой. А то ты съездишь в свой город и снова в часть. А у меня там родители, погуляем. Я

тебя с классными девчонками познакомлю.

– Школьницы что ли? Из какого класса?

– Да ладно тебе подкалывать.

– Да у тебя все классные, все общедоступны у доски.

– А что? В каждой надо увидеть шарм, найти изюминку.

– Да ты этих изюминок столько насобирал, что уже на рынке продавать можно.

Лешка действительно был очень общительный и легко знакомился. Я от него старался не отставать, иначе какие мы специалисты человеческих душ. Своего рода практика. Мы иногда даже спорили, кто быстрее познакомиться, но без обид для девчонок.

– Я подумаю, – ответил ему, чтобы отстал.

– Думай, решай, не пожалеешь. Домашняя постель, домашняя еда, – и он мечтательно вздохнул.

– Не соблазняй.

– Ага. У самого слюнки текут.

– Да, поесть сейчас не мешало бы. Кстати, а как будут разбивать на группы?

– Кто их знает. Кого с кем объединят или отправят на хозяйственные работы.

– И не мечтай.

– Нет в тебе, Егор, полёта фантазии. Мечтать не вредно. Все, сейчас все мечты обломают, уже пришли.

Пока мы разговаривали, подошли к кабинету. Вызывали по одному. Каждый выходил, получив задание, но кто его на-

парник, не знал. Место встречи, вид, одежда каждому сообщались индивидуально. Значит, встреча не известно с кем. Когда вышел Лешка, то загадочно улыбался.

– Что хозяйственные работы? – поддел я его.

– Нет, Егор, лучше. Сладкая жизнь. Хорошо бы нам вместе. Ну, я пошёл собираться, – он открыл дверь из коридора и, с видом заговорщика, вышел. Меня вызвали последним. Я зашёл в кабинет и увидел, что там кроме хозяина кабинета находится незнакомый мужчина.

– Товарищ полковник, – начал я, но он махнул рукой.

– Отставить. Ну, вот и он, – обратился к мужчине.

– Здравствуй, Егор, – он подал мне руку, которую я пожал. – Ты, человек военный, поэтому всё конкретно. Скоро твои товарищи разойдутся, а ты пройдёшь к себе, соберёшь личные вещи и всё, сюда больше не вернёшься, а продолжать учёбу будешь в другом месте. Форму оставь, поедешь в гражданке, – он подошел к столу и достал из папки документы.

– Вот твой паспорт, – протянул он мне, – вот военный билет. В общем, всё, что положено гражданскому человеку. Деньги на дорогу. Тебе даётся две недели отпуска.

Я взял документы:

– Можно вопрос?

– Давай?

– А как же экзамены?

– Считай, что ты их уже сдал. Ещё?

– А что весь этот сыр бор с подъёмом нарочно?

– Нет, это я приурочил к вашим заданиям, чтобы днём не светить задание для тебя. Куда поедешь?

– Сначала в родной город, потом, может быть, в Москву к дяде.

– Верное решение. Тогда выполняй. Жду тебя здесь через полчаса.

Я вышел. Грустно, очень грустно. С ребятами попрощаться не удастся. Жаль. Привыкли мы друг к другу. Что за жизнь у меня такая? Не успеешь привыкнуть, строишь планы на будущее, и всё разлетается вдребезги.

В комнате было пусто, так как ребята уже ушли. Подгадали они момент, что никого нет.

Я достал из тумбочки личные вещи, коих было не много, сменное бельё из шкафчика. Собрал сумку, повесил в шкаф форму, надел гражданскую одежду. Посмотрел на форму, провел по ней рукой, расставаясь, закрыл шкафчик и обвел глазами комнату. Пролистал в памяти лица товарищей, кто, где спал, кто, чем увлекался, их характеры и, вздохнув, вышел, в очередной раз, закрывая дверь в прошлое, выходя навстречу неизвестности.

В кабинете всё прошло быстро. Подошедший начальник училища пожал мне руку, пожелал удачи, а когда мы вышли, у дверей стояла машина и мой незнакомец сел за руль, мне предложил сесть сзади.

– А как к вам обращаться? – поинтересовался я, когда выехали за территорию.

– Зови Сергей Сергеевич. Сейчас я отвезу тебя на вокзал. Там купишь билеты и едешь, как решил. Через две недели тебе необходимо прибыть, – и он назвал место, – это под Москвой.

– А зачем такая спешка и таинственность?

– Спешки нет, есть график учебы. И таинственности нет. Так удобнее, чтобы меньше было разговоров. Я понимаю, что жаль уезжать, не попрощавшись, но что делать, такая у тебя работа в будущем. Появляться неожиданно и неожиданно исчезать.

Он высадил меня около вокзала. Был еще не сезон и билеты в кассе были.

В свой город, что расположен по пути к месту назначения, я прибыл утром. Выйдя на привокзальную площадь, осмотрелся и задумался.

«А что мне здесь долго делать? Схожу к родителям, при такой жизни неизвестно, когда появлюсь вновь». Я вернулся на вокзал, купил билет на вечерний поезд до Москвы, отрезая пути к тому, чтобы задержаться, и затем поехал на кладбище. Могила родителей была убрана. Я положил цветы и присел на скамеечку.

«Ну, вот, дорогие мои, это снова я, ваш блудный сын. Куда я еду не знаю, и даже не знаю, когда появлюсь здесь вновь. Я не знаю, есть ли иной мир, а если есть и вы меня слышите, то не обижайтесь, такой я выбрал путь в жизни. Менять поздно, да и не хочется. Мне вас не хватает. Я помню ваши

разговоры, всю вашу заботу обо мне. Я вас не подведу; вы воспитали мужчину и профессия у меня мужская. Простите, если что было не так. Я действительно не знаю, когда снова смогу навестить вас».

Я просидел на скамейке с полчаса, потом вышел с кладбища и отправился в центр. До поезда время было и, перекусив в кафе, бродил по улицам. Это напоминало прощание не просто с городом, а прощание с прошлым, с детством, с юношеством. Если чудеса и бывают, то я знал, что они произойдут не сейчас и не здесь.

Через сутки я был в Москве. Ещё накануне отъезда, я позвонил дяде Ване с вокзала и сообщил, что приеду, по его голосу я понял, что он уже знает о переменах в моей жизни. Наступил вечер, когда я позвонил в их квартиру; дверь мне открыла его жена, тётя Лена, которая, увидев меня, приветливо улыбнулась:

– Здравствуй, Егор. Проходи. Иван скоро будет, он говорил, что ты приедешь.

Она была гостеприимной женщиной и выделила мне комнату, которая пустовала, так как их дети уже были взрослые и жили отдельно. Я принял с дороги душ, пока она готовила ужин. Примерно через час приехал дядя Ваня, обнял меня по-отечески, а затем отстранился:

– Возмужал. И так был не хилый, а тут красавец мужчина, я в смысле крепко сложен, на внешность не плох. Достаточно хорош, но не бросок на вид.

– Что ты такое говоришь, Иван!

– Правду. При нашей профессии яркая внешность не на пользу. Обаяние должно быть. Пошли к столу.

После ужина он позвал меня к себе в кабинет.

– Садись, Егор. Я знаю, что у тебя много вопросов, не на все смогу дать ответы, а может быть, их вовсе не будет. Не скрою, хотел я после окончания тобой училища, взять тебя к себе, ты мне не чужой. Это не значит, что ты жил бы сладко, спрашивал бы строже, но все-таки родные рядом. Не получилось. Твои способности разглядел не только я. В основном это касается языков, аналитических способностей, а все остальное, как прицеп. Забирают тебя, – он сделал паузу, которую я не решался нарушить, – будешь заканчивать учёбу в другом учреждении. Это своего рода элита. Что вы будете делать, куда отправят, я могу только догадываться. Это ГРУ – мой мальчик, против их решения я не могу спорить, интересы государства превыше. Моих сил не хватило, так что, извини. Я тебя привлёк, а тебя забирают.

– Я не обижаюсь. Надо, значит надо. Мне уже не семнадцать, и я понимаю, что раз так произошло, то так тому и быть. Не переживайте за меня, я выдержу.

– Эх, Егор. Выдержать это хорошо. Я уверен, что выдержишь. Здесь важно не выдержать, а выжить.

– И выживу. Я настроен жить.

– Хорошая цель. Вот и держись этой цели.

– Всё будет хорошо. За заботу спасибо, но что я принял

тогда ваше предложение, я не сожалею. А что будет, посмотрим.

– Спасибо, а то меня иногда посещают мысли, что я сбил тебя с дороги. Учился бы сейчас мирно.

– Сейчас даже не представляю, что могло быть иначе. Я другой жизни уже не хочу.

– Да, я хотел, чтобы ты был контрразведчиком, а получается наоборот.

– Наверное, это моё.

– Дай, Бог, что мы оба не ошиблись.

Я прожил у них несколько дней. Днём гулял по Москве, ходил в кино, театр. Встречались мы с дядей за ужином. Снова разговор о будущем, не заводи, мы не могли знать был ли разговор последним, хотелось верить, что нет.

В назначенный день, я отправился к месту продолжения учёбы.

4

– Запомните, вы должны работать на подсознании, на инстинктах. Порой реальность будет казаться объективной, но вы должны сомневаться. Доверяйте интуиции. Она дама капризная и может изменить, поэтому советую подружиться с ней... Или забыть о ней.

Это нам начали вдалбливать в голову с самого начала занятий. Кем мы будем, мы не знали, но понимали, что оста-

новка, промедление могут остановить сердце навсегда. Сначала я не понимал, почему меня направили сюда, и если обо мне отзывались, как о способном аналитике, то мне казалось, что здесь это не главное. Здесь учили выживать. Так я думал первые полгода, а может быть, и больше. Лишь потом, до меня стало доходить, что тело должно работать на уровне рефлексов, а мозг оставаться свободным для размышлений, чтобы свести риск к минимуму. Тело и мозг должны работать, как бы индивидуально, независимо друг от друга. Но это всё, я понял потом.

В группе, где я учился, нас было десять человек. Кто и откуда, мы не спрашивали, это не было принято. По приезде я предстал перед начальником училища. Он был в военной форме, но без знаков отличия воинского звания.

– Значит так, Зотов Егор. На время забудь кто ты. Не думай, что это только в кино и в книгах скрывают имена сотрудников. В кино всё берётся из жизни. Чем меньше людей знают кто ты, тем больше вероятность остаться в живых, и трудно повлиять на близких.

– У меня нет близких, я сирота.

– Знаю. В жизни это большой минус, но для тебя это плюс, а привязанностями ещё успеешь обрести, так, что порой хочется их сбросить, а больно. Да, ты садись.

Сам он сидел за столом. На вид ему было лет пятьдесят. Спокойные, пронизывающие глаза, даже несколько усталые, смотрели на меня. Черты его смуглого лица были крупными,

как будто природа делала мазки, не стараясь сгладить, но это не придавало ему уродства. По его манере говорить, можно было понять, что он был жёстким, но не жестоким. Сколько парней прошло перед ним, скольким его требовательность, возможно, спасла жизнь.

Я сел на стул напротив него.

– Здесь ты будешь Сергей Никандров. Запомни. Все документы при выходе в город или ещё куда, будут на это имя. После окончания уйдешь под своим. Если в жизни повезёт, имён будет много, – к чему это он, подумал я тогда, но лишь потом узнал, что он был прав, – не повезёт, закончишь на одном, а пока, Сергей, жить будешь в своей комнате, здесь у каждого своя. Вопросы есть?

– А почему такая закрытость?

– Потом узнаешь, учиться будешь в группе. Я не волшебник, не умею предсказывать будущее, но думаю, что если тебе когда-либо придётся встретиться с однокурсниками, то хорошо, если они на твоей стороне, и даже в этом случае они не должны знать, кто ты в реальности по рождению.

– И на кого здесь готовят?

– Готовят здесь повара на вас. Но если серьезно, ты знаешь, какому управлению мы подчиняемся?

Я кивнул головой.

– Вот поэтому ты должен не только уметь думать, ты должен владеть своим телом. Тебя раньше учили, но этого мало. Скучно не будет, реакция будет мгновенной, но и голова

должна быть, – он открыл папку, посмотрел бумаги, снова закрыл, – способности к языкам помогут, все пригодиться.

Я понял, что он заглядывал в моё личное дело. Очень я хотел бы заглянуть туда, узнать, что там написали специалисты про меня. Видимо мой, мельком брошенный, взгляд на папку не остался не замеченным.

– И от этого будем отучать, я имею в виду прямые взгляды на интересующий предмет. Тебя интересует, что там про тебя написано? Будет ещё больше. Будешь проходить разные тесты, но результаты не увидишь. Тесты, кажутся на первый взгляд примитивными, глупыми, но они позволяют выявить стороны, черты характера человека, чтобы можно оказать на него влияние. Мы будем пытаться устранить эти дефекты, чтобы защитить вас. Вот так. Иди, устраивайся, завтра занятия.

На выходе меня ожидал мужчина лет сорока, также в форме без погон, и представился:

– Инструктор, Иван Иванович. Я буду вести некоторые дисциплины, а пока покажу тебе твоё жилище.

Пройдя по коридору, мы поднялись на второй этаж, и подошли к комнате с номером двадцать три. Он нажал на ручку и открыл дверь: – Замков нет, так что имей в виду, что любой может войти и посмотреть твою комнату, и любая мелочь, твоя личная мелочь, может рассказать о тебе очень много. Да, и войти могут, когда ты спишь. Учти всё это.

Комната оказалась не так уж и мала. Мебель не была ка-

зенной, и поэтому комната выглядела уютной. В ней был диван, стол у окна, пара стульев, торшер возле кресла, над диваном ночник, в углу телевизор, а рядом с ним, на столике, телефон. Шкаф для одежды. На столике возле телефона кувшин с водой. Иван Иванович показал, что в тумбочке, под телевизором, чайный сервиз и одна дверка тумбочки – холодильник. Что умиляло, так это занавески на окнах.

– Как видишь всё приближено к нормальной обстановке. В коридоре динамик громкоговорящей связи. Если будет свободное время, – он загадочно улыбнулся, из чего я понял, что это маловероятно, – то можешь попить кофейку.

Он показал мне санузел и напутствовал:

– Обживайся. Тебе здесь два года жить. Одежда в шкафу, и пошли, покажу, где у нас и что.

Я поставил сумку на пол, и мы вышли. Иван Иванович показал, где столовая, где классы, спортзал.

– До комнаты сам доберешься. Ужин в восемь.

Я вернулся в комнату, разобрал немногочисленные вещи, оделся в полевую форму, которая оказалась удобной и точно моего размера. В шкафу висели костюм, рубашки, спортивный костюм и крутки, как летняя, так и сезонная, а в углу я обнаружил шлёпанцы.

В столовую я пришел в начале девятого. Взял на раздатке поднос и положил себе на тарелки все, что видел и захотел. Полное самообслуживание. С подносом подошёл к столу, за которым сидел светловолосый парень, с веснушками на ли-

це.

– Можно?

– Садись. Меня зовут Дмитрий.

– Сергей, – назвал я имя, которое получил сегодня.

– Давно прибыл?

– Сегодня.

– Это хорошо, я вот уже два дня здесь ем и сплю, наскучило.

Мы поговорили о гражданке, о том, что видели, но ничего личного. После ужина я включил в комнате телевизор и устроился в кресле.

Уже перед сном заметил на стене табличку в прихожей – расписание. Завтрак в семь, а занятия с восьми.

Спать лег рано, заведя будильник и поставив его в изголовье дивана.

Утро встретил с некоторой тревогой нового и неизвестного. Привел себя в порядок, позавтракал в той же компании. Дмитрий был в той же группе, что и я. Новый этап жизни начался, но он был продолжение старого. Я же ничего ещё и не видел в жизни: школа, училище, и не знал, как живут на гражданке.

Иван Иванович не зря улыбался. Свободного времени не было совсем. Занятия по физической подготовке выматывали, мои прежние навыки оказались детскими тренировками. К моим учебным языкам добавились испанский и китайский. Как голова выдерживала, я не понимал, но упор дела-

ли на три языка: испанский, французский и китайский, английский – шлифовали произношение, арабский – чтобы закрепить полученные ранее знания и мог объясняться. Учили до одури. Более глубоко, чем в предыдущем училище изучали религии стран, привычки, нормы, традиции, законодательство. Учили нас и обычным для данного училища делам: взрывчатому, закладыванию тайников, психологии личности. Психология отдельная тема. Учили жутким вещам: хладнокровию, когда сначала действуешь, а потом уже думаешь, то есть думаешь о безопасности в первую очередь. Отрабатывалось умение мгновенно ориентироваться в обстановке, ощущать ситуацию и безошибочно выбирать правильное решение. Надо было уметь не только действовать, но и думать

– Это ваша безопасность, – говорил инструктор, – в незнакомой местности, вы успеете получить пулю, если будете думать, что там и кто там в кустах. Поэтому во всё, что шевелится, во всё, что вы не видите, сначала стреляете, а потом смотрите. Жестоко? Да, жестоко, но лучше быть жестоким, но живым, чем милосердным, но мертвым. Никто не знает, где вы можете оказаться, и не всегда вас там ждут, как друзьями.

Очень жёстким было и испытание на неподвижность, когда часами надо лежать, сидеть, не двигаясь. Нас вывозили в поля, леса, и летом, и зимой, в дождь и в жару. Надо было маскироваться и не двигаться, а в это время по тебе полза-

ют букашки, паучки и прочие насекомые. В пустыне по мне ползал тарантул, и попробуй тут моргни или дёрнись, это будет последнее, что ты сделал в своей жизни. Тогда я не думал, что мне это пригодится и спасет жизнь.

Так прошёл год. У меня не было увольнительных, разве что, когда выезжали на учения за пределы училища. Да и куда мне было идти? Меня многому научили, стрелять, готовить взрывчатку. Я не знаю, что иногда давали за ужином для сна, но потом многое прояснялось. Ночью входили и начинали сонного спрашивать кто я, и я должен отвечать на том языке, на котором спрашивали. Меня учили думать на том языке, где меня представляли или кем представляли. В специальной комнате погружали в сон и слушали, что я говорю во сне, на каком языке.

В мозгах у меня вначале была полная неразбериха. Всё, что наговорил, давали прослушивать и снова занятия. Со временем, всё разлеглось по полочкам, и мозг открывал дверцу той, которая была нужна в данный момент. Как это происходит, я не понимал, догадываюсь, что мои учителя тоже, но они знали, как достичь результата.

Больше всего нас веселили уроки, когда учили средствам гримирования, а особенно когда учили воровать, играть в карты, шулерству. Здесь мы отдыхали душой и телом.

После первого года обучения нам дали отпуск три недели. Маршрут нам не ограничивали, и это было несколько странно, так как всегда должны были ставить в известность, кто и

где будет. Таковы правила работы служб. В отпуск я уезжал под своим именем, от которого стал даже отвекать, и направился на родину.

В этот раз я решил навестить тётю Таню. Как же она обрадовалась, увидев меня:

– Егор, как ты возмужал. От тебя не было никаких известий, я не знала, что и думать.

За эти дни сходил к родителям на кладбище, встретился с одноклассниками. Про себя, как и прежде, говорил, что учусь в ракетном и скоро уеду на точку. Меня пытались знакомить с девушками, чтобы их пристроить, но когда те узнавали, что надо ехать в глушь, то желание связать свою жизнь со мной, пропадало.

Тётя Таня приняла меня очень приветливо, но я чувствовал, что её беспокоит, что я здесь жил и имею на эту квартиру право. Она об этом не говорила, но это было и так ясно. Несколько дней я молчал, приглядывался, и однажды я решил поговорить с ней.

– Тётя Таня, я что приехал. Конечно, навестить могилу родителей, увидеть вас, но я думаю, у вас есть мысли по поводу квартиры, погодите, – прервал я её попытку возразить, – жизнь, есть жизнь. Я учусь, будущее моё просматривается, поэтому я говорю, что это ваша квартира. Я на неё не претендую. Она мне ни к чему. Я не вернусь сюда, живите спокойно.

– Да ты что, Егор, всякое может быть.

– Может, но не со мной.

– Удивительный ты человек.

– Удивительные люди такие не предсказуемые, вот так и я. Так что, всё ваше.

– Спасибо тебе, Егор. Даже не знаю, как тебя благодарить.

– Иногда вспоминайте.

– Конечно.

Больше мы к этому разговору не возвращались. На другой день я уехал, сославшись на время. Пока жил у тётки Тани, меня не покидала мысль, что слишком легко нас отпустили. Чудес не бывает, не в правилах это системы. Тогда я устанавливаю свои правила. Делать было нечего, мне было скучно, и я решился на авантюру, которая могла мне очень дорого обойтись.

В тот день, когда я ушёл из дома, я уже решил, куда направлюсь. Я шёл по улице мимо магазинов, и всегда осматривался, нет ли кого за мной, играл в шпионские игры. Кто будет следить за мной, кому это надо? Тогда надо следить за всеми, а где взять столько людей, у них есть другие дела. Ладно, поиграю для себя. В итоге, я купил ещё одну сумку, кое какую одежду, набор для грима в одном из магазинов и парик. Затем отправился на железнодорожный вокзал, где народу побольше. Деньгами нас снабдили, но лимит всё же был. Купил билет до Саратова и остался на вокзале, присматриваясь к окружающим. Даже, если бы я привлек внимание, то у меня был билет, и я ждал поезда. Обижать от-

правляющихся мне не хотелось, и я сосредоточился на прибывающих. Моё внимание привлёк парень моего возраста, который только что приехал.

На мою удачу, он не пошёл к стоянке такси, а направился к остановке общественного транспорта. Я за ним. Да, много ещё беспечных людей. Когда он доставал деньги за проезд, то достал вместе с бумажником и паспорт, который положил временно в боковой карман. Пока он разбирался с оплатой, паспорт был уже у меня, и я сошел на ближайшей остановке. Прости меня, парень, тебе выдадут новый, но и тебе урок. За этот год меня научили многому, в том числе и карманному делу; не пропаду без средств, к существованию.

В большой гостинице, где было побольше народа, я снял номер на три дня, и чтобы не вызывать подозрений, под своим именем. Пересчитав наличность, понял, что надо ее пополнять и отправился на рынок. Там я поклонялся с полчаса и пристроился к лохотрону, где обманывали в карты. Этому нас тоже учили, потому времени и не было свободного. Через полчаса я отходил с приличной суммой, но выйдя за ворота рынка, обнаружил, что за мной идут три крепких парня. Ещё бы, кто же отпустит с деньгами, не для того же они играют, чтобы проигрывать. Не привлекая внимания окружающих, а тем более милиции, которая могла быть с ними в сговоре, я углубился во дворы, двигаясь в направлении, где тише и безлюдней. В одном из переулков я услышал приближающиеся шаги.

– Эй, парень, постой.

Я остановился и обернулся. Их вид не был вызывающим, но и ничего хорошего не предвещал.

– У тебя, кажется, есть лишние деньги.

– Деньги лишними не бывают, – ответил я.

– У тебя они точно лишние, так что давай сюда.

– С какой стати? – старался я придать голосу интонацию обиженного и чуть испуганного.

– С такой. Это деньги нашего друга, а ты их шулерски выиграл, а это не честно.

Они стояли напротив меня, крепкие, рослые.

– Все было честно, – еще пытался я отстаивать свой выигрыш.

– Да ладно, Петь, что с ним разговоры вести, возвращаться пора, – заметил один из них и сделал рывок вперед, пытаясь нанести мне удар в челюсть.

Это был примитивный удар, от которого я ушел легко, и точным ударом ладони по горлу вырубил нападающего. Двое других, не сговариваясь, бросились на меня. Глупые, они сами себе мешали. Чуть сдав назад, и повернувшись боком, чтобы они были с одной стороны, ударил пролетавшего мимо, ногой под коленку. Он упал и пролетел по асфальту. У меня было время, пока он поднимется, разобраться с третьим. Первый все еще лежал, держась за горло. Дальше я не думал; серии ударов хватило отправить третьего к первому, а когда поднялся второй, то обработал и его.

Когда я уходил, они лежали на асфальте, корчась от боли. Это был мой первый опыт реальной драки за жизнь, до сих пор были только тренировки.

Я вернулся в гостиницу, переоделся, загримировался и, посмотрев, что дежурная по этажу отошла, вышел в город. Нашёл срочную фотографию и вскоре вышел, неся в кармане фото для паспорта. Возвращаться в гостиницу в таком виде было нельзя, не пустят, ключ я не сдавал, и могли обратить внимание на чужого, открывающего номер. Я зашёл в ресторан при гостинице, прошёл в туалет, где снял парик, смыл грим и вышел тем, кем был первоначально.

Пройдя в номер, приступил к паспорту. Аккуратно заменил фотографию, предварительно скопировав печать. Чуть поправил фамилию. Теперь там было не Александр Николаевич Степанов, а Александр Николаевич Степанович. Конечно, если внимательно посмотреть, подделку можно обнаружить, но кто это будет делать в кассе. Ночь я провел в номере. Утром сходил, позавтракал и снова вернулся в номер. Там переоделся, загримировался, переложил вещи в другую сумку, и, дождавшись, когда появятся горничные, а дежурные по этажу сменятся, вышел, оставив дверь чуть приоткрытой. Горничные не обратили на меня внимания, мало ли кто выходит из проживающих, тем более они не могли меня знать в лицо, так как заселился я только вчера, и они ещё не убирались в номере.

Прибыв на вокзал, я купил билет до Москвы по новому

паспорту. До конца отпуска оставалось не так много времени и хотелось отдохнуть. По прибытию в Москву у меня оставалось четыре дня до возвращения в училище. Я остановился в гостинице. Ходил по городу, в кино. Ходил под новой фамилией, хоть город и большой, но вероятность встречи всегда оставалась. Накануне возвращения в училище, я решил ещё на одну авантюру, поехал к дому своего дяди и бродил не далеко. После обеда увидел, что его жена вышла из дома и направилась в магазин, я следом. Не выпуская ее из вида, но и не приближаясь, дождался, когда она стала выходить и «случайно» столкнулся с ней дверях, придержал створку, позволяя ей выйти, за что она поблагодарила меня.

Я решил продолжить. Вечером снова появился у их дома. Дядя Ваня приехал поздно. В темноте я мог пропустить его, поэтому, когда уже стемнело, перебрался ближе к подъезду и сидел на скамейке. Когда он приехал, то я направился к подъезду; код замка я знал, да вообще это было уже игрушкой для меня, поэтому вошёл в подъезд раньше него и подошёл к лифту. Дверь за мной открылась, впуская родственника, который встал рядом. Двери лифта открылись и я, пропустив его вперед, сказал:

– Пятый.

Он подозрительно взглянул на меня, и не стал поворачиваться спиной. Видя, что у меня в руках ничего нет, нажал кнопку, лифт пришёл в движение. Я стоял ближе к двери и вышел первым, направляясь к его квартире.

– Вы, молодой человек, к кому? – услышал я за спиной.

– Если вы Иван Семенович, то к вам, – постарался я изменить голос, но он был профессионал и, присмотревшись ко мне, рассмеялся.

– Егор, ай да молодец. Ну, пошли.

Он открыл дверь, и тут же в прихожую вышла его жена. Она смотрела на меня и на мужа. Видя его веселое лицо, присмотрелась ко мне и заметила:

– Я вас уже видела.

– И тебя обманул. Молодец, Егор.

– Егор!

– Да, это он. Проходи, – сказал он мне.

– Извините за маскарад, – оправдывался я, – я ненадолго.

– Как ненадолго? А ужинать с нами? Я же должна накормить артиста, и умоешься.

– Спасибо, но мне надо идти и умываться не могу.

– Проходи в кабинет, – предложил дядя Ваня.

В кабинете он сел напротив меня.

– Удивил. Приятно удивил. Значит, не ошибся в тебе и другие не ошиблись.

– Кто другие?

– Твои учителя. Ты думаешь, вас просто так отпустили? Так вот, без надзора? Это была практика. Вас отпустили, после стольких месяцев учебы практически взаперти. Как вы себя поведете на воле. Ты пропал и мне сообщили – исчез. Сначала всё было ясно, где ты, а потом пропал. Рисковал ты

братец, но молодец. А грим, почему смывать не будешь? В гостинице живешь?

– В гостинице, под другим именем и внешним видом. Завтра верну свое лицо.

– Лицо надо иметь, а оно у тебя точно есть. А другое имя, где взял?

– Паспорт украл и так, подработал.

– Ясно чему вас учат, профессиональным карманникам, – пошутил он. Он знал, чему там могут учить. – Иди, Егор. – Он встал и проводил меня до двери. Я попрощался с тетей Леной, когда она вышла в прихожую и тут же ушла, она все понимала.

– Не знаю, когда увидимся снова, но я рад, что ты нашёл себя. Поверь мне, я знаю, что говорю. Удачи тебе.

– Спасибо, – и я вышел за дверь.

Это была наша последняя встреча.

5

– Смерть не приходит и не заглядывает вам в глаза. Трудно представить, что она семенит рядом. Твоя жизнь – это движение вперед и пока идёшь – жив, но стоит остановиться, почувствуешь её дыхание. Смерть не заглядывает в глаза, она дышит в затылок, – всё это мне сказал начальник, когда я предстал перед ним и доложил о прибытии, – ты это понял, – заявил он к своему удовольствию.

Эта фраза запомнилась мне на всю жизнь, хотя она была не приветственной, а скорее заключительной.

Увидев меня, когда я вошел в его кабинет, он расплылся в довольной улыбке:

– Молодец, ничего не могу сказать, умыл. Рассказывай, что делал, что творил.

Я рассказал ему о своих похождениях, умолчав о рынке и драке, но он был опытный человек.

– Ты догадался, что это была проверка на вшивость?

– Точно не могу сказать. Была такая мысль и решил пуститься на авантюру, потому как все могло быть иначе.

– А, почему о драке на рынке умалчиваешь?

– Откуда знаете?

– Вот до этого момента и знаем. Мы не имеем столько возможностей, чтобы за каждым приставить наблюдающего, но система есть система. Мы знали, кто и куда поедет, и сообщили в эти города, попросив присмотреть. Там уже каждого ждали. Постоянно не следили, нет такого штата. А что касается тебя, то пока ты жил у родственников, всё было тихо и предсказуемо, но как только ты зарегистрировался в гостинице, мы насторожились. Непонятно было для чего. И за дракой присмотрели, но как ушел не смогли отследить. А всякое могло быть, мы же не знали, во что ты можешь ввязаться, а ну, как найдем потом труп.

Вот после этого он и выдал мне про то, что смерть дышит в затылок.

– Можно вопрос? – решился я.

– Давай.

– На кого нас учат? Судя по предметам, это какая-то адская смесь из террориста и разведчика.

– Слишком дорогое удовольствие готовить террористов столько времени. Вас учат главному – выживать в любых условиях, а куда вас отправят, я думаю, не знают, даже ваши будущие начальники. Ты вспомни, что в борьбе учат сначала падать, вот так и здесь, и возможно будет лучше, если навыки не пригодятся, иначе получается, что уже стоишь на краю пропасти. Ладно, лирика закончена. Иди.

Комната встретила меня чистотой: все было прибрано, и я даже соскучился по этой обстановке, все-таки целый год прожил здесь.

На другой день начались занятия. Тема их несколько сменилась. Упор больше делали не на военные операции, а на индивидуальность. Больше внимания языкам, психологии. Группа была та же. Мы обменивались впечатлениями об отдыхе, а уж говорили правду или нет, не выясняли, я не рассказывал о своих приключениях, а сказал, что был у родственников, встречался с одноклассниками. Это было правдой хоть и не полной. Обманывать глупо, всегда можно завалиться на мелочах, надо просто недоговаривать. День шёл за днем, нас стали выпускать на выходные, чему мы были рады, это была отдушина для души и глаз, которые изо дня в день видели одни и те же лица.

Через полгода меня вызвали в учебную часть.

– Предстоит стажировка, поедешь в Латинскую Америку.

– Куда? – удивленно спросил я, и мое удивление было не поддельным.

– Учитесь управлять эмоциями и следите за своим лицом, – высказал мне сотрудник.

– Нет, пускай удивляется, надо быть естественным. Неожиданность должна вызывать искреннее удивление, иначе это настораживает, – поддержал меня начальник училища.

– И так, ты отправляешься на стажировку в Уругвай. Вот тебе заграничный паспорт на имя Сергея Никандрова. Билет. Вылет послезавтра. Деньги и одежду получишь завтра. Едешь в деловую командировку, по приезде встретят. Заодно попрактикуешься в испанском.

– А цель? По обману опытом?

– Угадал, только обмениваться будешь не ты, а с тобой.

– А как все это укладывается в рамки нашей закрытости?

– А ты едешь не от нашей организации, а от службы охраны. Распишись в получении и завтра на инструктаж.

Я расписался, но росписью Никандрова, кем я был здесь. Забрал документы. На другой день прошёл инструктаж, получил деньги и одежду. У нас была зима, а там лето. Ехал я не один, а с Дмитрием. Для принимающей стороны мы сотрудники охранной службы, а для официальных лиц, торговые представители по закупкам вина. Нас в течение дня учи-

ли разбираться в сортах вин. Принимающей стороне это ясно было не надо, но вот легенда должна быть.

На другой день мы уже летели. Я еще ни разу не летал на самолёте, поэтому с удовольствием смотрел в иллюминатор.

– Смотри, – уступил мне место Дмитрий, – я уже летал. Потом привыкнешь, и будет всё равно, где сидеть.

Внизу проплывали маленькие фигуры земли: черные, голубые, зелёные. Я видел внизу города, которые были, как игрушечные. Эта миниатюрность и привлекала. Когда самолёт летел над океаном, уже стало не интересно, и я отвернулся. Дмитрий спал, я последовал его примеру под монотонный гул двигателей.

– Пристегнитесь, пожалуйста, – услышал я, и, открыв глаза, увидел стюардессу, – самолет идет на посадку.

Пристегнувшись, выглянул в иллюминатор. Чуть впереди виднелась кромка берега, и когда самолёт полетел над землей, я увидел другую природу: желтый песок, пальмы.

После прохождения пограничников и таможи, мы вышли в зал прилёта пассажиров. Среди встречающих стоял мужчина, лет тридцати пяти, в шортах, белой рубашке на выпуск, смуглый, со жгуче черными волосами и тонкими губами. В руках он держал табличку с названием фирмы, от которой мы приехали. Мы подошли к нему.

– Добрый день, – приветствовали мы его.

– Добрый. Меня зовут Мигель.

Мы представились.

– Пошли, – и он повернулся, направляясь к выходу из здания аэропорта. На привокзальной площади нас накрыл зной и влажность. Ещё в самолете мы достали сумки и уложили в них куртки, но наша одежда была всё-таки не для этого климата. По ногам под брюками потёк пот, лица покрылись испариной.

– В гостинице переоденетесь, – заметил Мигель наше состояние.

Разместив вещи в багажнике, мы устроились в машине, в которой на наше счастье был кондиционер, что нас и спасало.

– Сегодня план такой, – сообщил нам хозяин, – ужинаем, размещаетесь, прогулка по городу и спать, а завтра заеду за вами в девять.

Нас меньше всего занимал распорядок, мы смотрели через окна на другой мир, в котором все было другое: люди, дома, растения. Номер был двухместный, хоть и не большой, но нам хватало. Приняв душ, поели в ресторане, где Мигель заказал европейскую кухню, пояснив:

– Потом попробуете местную, а пока надо, чтобы вы завтра были в форме, а не мучались желудками с непривычки. Воду пейте только из бутылок.

Когда, после ужина, мы вышли на улицу, уже стемнело. Воздух был свежим и чуть прохладным. Мигель повёз нас по городу, свозил на набережную к океану. Шум волн заглушал голоса. Я никогда не видел океана, как и Дмитрий, и мы за-

чарованно смотрели на мощь волн, которыми океан накатывал на берег. По приезде в гостиницу, мы, усталые от перелёта, быстро отключились.

На другой день проснулись без будильника. Было раннее утро. Разница с Москвой составляла шесть часов, и это не могло не сказаться. Я выглянул в окно, а там листья платанов не шелохнулись, эвкалипты со скрученными стволами свесили ветки вниз, но тени не давали. На подоконниках в доме напротив, стояли в горшочках маленькие растения, покрытые шапочками цветов, призывно привлекая своей яркостью и миниатюрностью.

Мы умылись, оделись и стали ждать Мигеля, а город только просыпался. Из окна было видно выходящих жителей, идущих неторопливо по своим делам. Солнце уже стало нагревать землю, но ещё не достигло пика, когда от него надо прятаться в тень, поэтому все шли, пока была относительная прохлада. Мы приехали в лето.

Около девяти раздался стук в дверь, и, открыв ее, я увидел, кого и ожидал – Мигеля.

– Оделись, хорошо, тогда пошли.

Мы вышли из гостиницы. Одежда на нас была сегодня соответствующей времени: хлопчатобумажные брюки, рубашки на выпуск, сандалии.

– Сейчас заедем перекусить, да и на обед надо что-нибудь, а, то есть, наверное, хотите.

Проехав несколько кварталов, он остановился у неболь-

шого кафе.

– А почему здесь? Ближе были кафе? – спросил Дмитрий.

– Мне здесь кухня больше нравится.

Есть, конечно, хотелось жутко. Мигель заказал чечевичу с мясом, кофе, выпечку. Пока мы ели, он о чем-то поговорил с барменом за стойкой, тот покивал головой и ушел.

Когда Мигель сел рядом с нами, в руках он держал большой бумажный пакет: – Наш обед, – пояснил он.

Затем мы, петляя по узким улочкам, выехали из города. Мы, с Дмитрием, во все глаза смотрели в окна: ещё бы, другая страна, другая культура. Я стал вспоминать, что о ней знаю и оказалось, что основное помню. В основном сельскохозяйственная страна, где жили испанцы, итальянцы и немцы; тихая, страна для пенсионеров. На что она существовала, если как я помнил в ней много пенсионеров и чиновников? Рай видимо для тех, кто уже всё имеет. Я машинально запоминал местность, дорогу по которой мы ехали, а она всё дальше уходила от берега. Минут через тридцать мы свернули с асфальтовой дороги на проселочную, которая не была даже выложена щебнем, и вскоре уперлась в ворота, затянутые металлической сеткой. От ворот в обе стороны уходил сетчатый забор. Никого не было видно. На воротах висела табличка «Не заходить. Частная собственность. Охраняется системой наблюдения». А ниже от руки было приписано «не создавайте себе проблем». Мигель вышел из машины, открыл замок на воротах, распахнул створы и вернулся.

Когда мы въехали, то повторил всю процедуру в обратном порядке, даже замок запер, просунув руки с ключом сквозь сетку.

Дорога прошла сквозь деревья, и мы подъехали к одноэтажному кирпичному зданию. Выйдя из машины, я заметил:

– Пусто как-то. Никого нет.

– А тебе зрители нужны?

– Обойдемся, а вот так всё просто и охраняется?

– Нет, надпись, чтобы отпугнуть.

– Были попытки?

– Были, но у меня здесь свои секреты, так что войти можно, но кто приходил, понимал, что ошибся.

– В чем это проявляется?

– Удар электрическим током, где отключать знаю только я. Подождите у машины, – и он отправился за дом, а мы с Дмитрием остались рассматривать окружающее пространство.

– А хорошо он придумал, в стороне от дороги, а кто сунется своя система защиты, – заметил Дмитрий.

– Я думаю не всё так просто.

Из-за угла появился Мигель и, достав ключи, открыл дверь здания. Мы вошли следом за ним в тёмный коридор, он повернул тумблер, включил свет, уверенно прошёл по коридору, из которого выходили двери. Мигель открыл первую справа, и мы вошли в небольшую кухню: пара полка, стол со

стульями, газовая плита с баллоном и маленький холодильник. Было темно, металлические ставни закрывали окна.

– Проходите, я сейчас, – он подошел к одному из шкафов, открыл, что-то нажал и ставни открылись. Затем положил в холодильник пакет с продуктами. – Все, пошли.

В конце коридора он открыл дверь слева, и я увидел ступеньки, ведущие вниз.

– Начнем тренировки в подвале.

– А что ты делал в шкафу? Блокировку снимал? – спросил Дмитрий.

Мигель, не отвечая на вопрос, спустился вниз, я следом, за мной Дмитрий. Уже внизу Мигель ответил:

– Я не прятал от вас своих действий, но и вопросов, не относящихся к делу, не надо, – и пошёл вдоль стены.

Пройдя метра два, мы вошли в тир, на полу которого лежали маты.

– Начнем здесь. Стрелять придется много, и когда научитесь, тогда выйдем на улицу, чтобы не так часто привлекать внимание стрельбой, а здесь отрабатываем практику. Давайте посмотрим, на что вы способны.

Он подал нам пистолеты, лежащие на полке. Включил освещение мишени, метрах в пятнадцати.

– Наушники не нужны, здесь стены обработаны для гашения звука.

– Давай ты, – обратился он к Дмитрию.

Тот встал и, вытянув руку, сделал пять выстрелов. Затем

повторил я.

Мигель подтянул мишень: – Не плохо для положения неподвижной мишени. А теперь мишени будут двигаться.

Он нажал кнопку и сверху спустился экран. Мигель подал мне другой пистолет:

– Это световой. Стреляй в появившуюся мишень на экране. Всё будет фиксироваться, потом проведем разбор.

Я встал и внимательно стал вглядываться в экран. На нем появились кадры улицы, и вдруг из-за угла дома появился вооружённый мужчина и нацелился на меня, я выстрелил, красная точка наведения попала в лоб, он упал. Потом стали появляться новые фигуры, появились прохожие, женщины с детьми и между ними мог появиться враг, это могла быть и женщина, даже с коляской. Задача усложнялась. Минут через десять все закончилось, мы стали просматривать мои попадания, которые снимал Мигель. Пару раз я убил гражданских, пару раз ранил, иногда мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.